

I. ДОМ В НОВОЙ СТРАНЕ

Дом «Джална» в Онтарио был построен незадолго до того, как в США разразилась Гражданская война. Владелец дома, офицер Уайток, поселился здесь с семьей, как только родился второй сын. Вместе с женой, ирландкой Аделиной Корт, он переехал сюда из Индии, в романтическом порыве назвав поместье в честь военного гарнизона, к которому там был приписан его полк. Офицер Уайток успел устать от запретов армейской жизни. Он стосковался по свободе и просторам Нового Света. Аделина Уайток всегда была легка на подъем. И теперь они чувствовали себя пусть не первооткрывателями, но прониклись духом открытий, при этом окружив себя многочисленными благами Старого Света.

Их дом внушительных размеров из кирпича приятного для глаз оттенка с зелеными ставнями и пятью высокими трубами стоял на участке земли площадью в тысячу акров¹ всего в нескольких милях от озера Онтарио, на густолесистых берегах которого обитало огромное число птиц. Девственная почва была богата и неистощима в своем плодородии. Что ни посадки, все произрастало в избытке.

---

¹ Одна тысяча акров — 4047 (четыре тысячи сорок семь) квадратных километров. (Здесь и далее прим. перев.)

Дети Уайтоков не знали другой жизни, кроме вольготной и исправной смены времен года. Детей было четверо: Августа, Николас, Эрнест и самый младший, Филипп. (Отец семейства изменил данному ранее слову быть в семье единственным Филиппом.) Родители им потакали, хотя временами строго наказывали. Отец, когда был детьми недоволен, отдавал распоряжения по-военному твердым голосом. Мать, когда гневалась, бывало, поднимала на них руку — нрав у нее был вспльчивый. Дочь Августа переносила наказания с безропотным благородством; Николас — с определенной долей высокомерия; Эрнест — со слезами и обещаниями впредь вести себя хорошо. На маленького Филиппа почти никогда не сердились, а если такое случалось, тот ложился на пол, сучил ножками и кричал.

В тот летний день муж и жена со смешанным чувством радости и озабоченности ждали гостей — американскую пару из Южной Каролины.

— Не понимаю, — начал Филипп, — почему ты так обеспокоена этим визитом. Синклерам придется принять нас такими как есть. Нам нечего стесняться, как мы живем. Ручаюсь, что во всей провинции не сыскать прекраснее дома и большего порядка в ведении хозяйства, чем у нас.

— Ты только подумай, к чему привыкли они! — вскричала Аделина. — Огромная плантация с сотнями рабов у них в услужении... Мы и знать ничего не знаем о настоящем изяществе. Следовало бы отдать им несколько комнат, а не крошечную спальню и каморку для горничной миссис Синклер.

— Нашу гостевую крошечной не назовешь. Прекрасная, богато обставленная комната. Не понравится — пусть терпят.

— А как ты собираешься развлекать мистера Синклера? — не унималась Аделина. — Поведешь посмотреть на турнепсовое поле? Покажешь пару телят?

Разговор прервала шумная беготня их сыновей по коридору и топот на лестнице. Когда Николас обогнал Эрнеста, младший брат издал притворно испуганный вопль. Обычно родители не замечали таких проявлений веселья, но сейчас Филипп насторожился.

— Когда приедут гости, пусть ни в коем случае так себя не ведут.

— Не переживай, — ответила Аделина. — Старших я отправляю на три дня к соседям. Вчера договорилась с миссис Базби.

— Гасси-то умеет себя вести, — заметил Филипп.

— Ей будет не хватать младших братьев. Но мне нужно встретить Синклеров в обстановке полного покоя. В последнем письме Люси писала о плачевном состоянии своей нервной системы.

— А тебе известно, — продолжал Филипп, — что Базби полностью на стороне янки?

— А я им не сказала, кто именно к нам приезжает. Просто друзья, с которыми познакомились во время последней поездки в Англию.

Филиппа не покидало беспокойство.

— Илайхью Базби все это не понравится, это уж точно.

— Синклеры приезжают не к нему. — Аделина говорила взволнованно. — Пусть не сует нос в чужие дела.

— Дети проговорятся.

— Еще чего не хватало, — воскликнула она и подзвала к себе троих старших.

— Вы на три дня отправляетесь к Базби, — объявила она.

— Ура! — закричал Николас. — Мне всегда хотелось попасть к ним на ферму. Там все работают, но находят время и для развлечений.

— Послушайте, дети. — По тону Аделины было ясно, что сейчас прозвучит важное предупреждение. — Ни при каких обстоятельствах не упоминайте, что наши гости приехали с Юга и, возможно, привезли с собой парочку слуг.

— Темнокожие! — вскричал Николас. — Ни разу не видел, жуть как хочу взглянуть.

— А они опасные? — поинтересовался Эрнест.

— Да нет же, дурачок, — успокоила его мать. — Запомни: у нас в гостях друзья, с которыми мы познакомились в Англии. Августа, я надеюсь на тебя.

— Я запомнила, — пообещала та своим низким голосом, которому суждено превратиться в контральто, — но рано или поздно Базби все узнают.

— Конечно, узнают, но если это случится сразу, у них это вызовет такое отвращение, что они тут же отправят вас домой. К ним вас отвезет Пэтси. А теперь идите и помните: от вас требуется достойное поведение.

С этими словами она отпустила детей.

— Поведение, черт возьми, — сказал Эрнест.

Августа пришла в ужас:

— Эрнест, откуда ты взял это жуткое выражение?

— Не знаю.

— Пожалуй, лучше тебе его забыть. А теперь умойся и причешись. — Она взяла его за руку.

Пэтси О'Флинн, слуга-ирландец из дома, где раньше жила Аделина, который приехал вместе с ними в Канаду, ждал на подъездной дорожке, как и экипаж, запряженный коренастым пегим жеребцом. За бахромой усов и запущенной гривой отчетливо просматривалась его морда.

— Давайте, ребята, — торопил Пэтси детей, — нет у меня времени по округе шляться: работы по горло, на двоих хватит.

Филипп и Аделина вышли на крыльцо, чтобы проводить детей. Казалось, они собираются в путешествие, а не к соседям на три дня. Дети были в некоторой степени избалованы. Офицер Уайток сам вынес их дорожную сумку, хотя Николас был крепким парнем. Аделина достала носовой платок и утерла Эрнесту курносый носик, хотя у него самого в кармане куртки тоже лежал чистый носовой платок, притом с инициалом «Е» на уголке.

— Смотри, чтобы у него из носика не текло, — настаивала она Августу. Офицер Уайток посадил Эрнеста в экипаж. Их мать подняла свое красивое лицо и звонко поцеловала каждого ребенка.

— С чем бы вам ни пришлось столкнуться, — сказала она, — принимайте это с вежливым спокойствием, берите пример с меня. Пэтси Джо, — обратилась она к вознице, — если по твоему недосмотру лошадка забредет в канаву и экипаж перевернется, как уже было однажды, тебе конец.

Экипаж отъехал. Неро, огромный черный ньюфаундленд, побежал рядом. Солнечные лучи проникали сквозь самую густую листву деревьев и блестили на крупе пегого жеребца, чьи копыта глухо ударяли по влажной песчано-глиняной дороге.

Когда перед их глазами появились разрозненные сооружения фермы Базби, Августа сказала Эрнесту:

— А теперь — ни слова о темнокожих. Не забудь.

— О темнокожих, черт возьми! — отозвался Эрнест. Времени отругать его не оставалось. Все выбрались из экипажа.

II. ГОСТИ

— Тот малыш мог бы порядком надоест, но пока он довольно мил, — заметила Люси Синклер, обращаясь к мужу.

— Он, безусловно, хорошенький, — согласился Кер-тис Синклер.

Каждый из них обратил свой усталый взгляд на маленького Филиппа, который расположился поблизости на траве и старательно строил из кубиков домик. У него только получалось положить один кубик на другой, но он сосредоточенно нагромождал их и решительно надувал свои детские губки.

— Он обожает папу, — продолжала Люси.

— Вот уж типичный англичанин. — В тоне ее мужа слышалось как восхищение, так и недовольство. — Упрямый, самонадеянный тип.

— Эти люди, — возразила она, — наши друзья, и нам сказочно повезло, что попали сюда.

— Они — сама щедрость, — согласился он. — Утром Уайток сказал мне: «Будьте здесь как дома — и вы, и миссис Синклер, и слуги, — пока война не закончится».

Она вытащила кружевной платок и промокнула глаза.

— Что же с нами будет? — всхлипнула она.

Малыш оторвался от кубиков и подошел к ней. По-трепал ее по коленке:

— Бедная тетя. Не плачь.

Она погладила его белокурые локоны.

— Какой ты милый малыш. Нет, я не буду плакать. Буду смелее, тебе на радость.

Ее муж положил руку на ее второе колено. Рука была необыкновенно красива. Особенно ее всегда восхищал большой палец. Почти такой же длины, как и другие пальцы, он был идеально закруглен и с лункой на ногте. Она перевела взгляд с руки на его бледный профиль, с профиля — на сильную коренастую фигуру с заметным горбом. Он был горбуном и из-за своего физического недостатка не смог остаться на Юге и сражаться за свою страну, а уехал в Канаду, как и его слабая здоровьем жена, надеясь, что сможет как-то повлиять на судьбу Юга. Вывести Люси из страны было необходимо в любом случае. Теперь он был разорен, но по-прежнему считал себя независимым плантатором с Юга.

Синклеры и Уайтоки познакомились незадолго до Гражданской войны в Англии, где отдыхали Филипп и Аделина. Их знакомство быстро переросло в дружбу. Пары притягивало друг к другу из-за ярких различий между ними: Синклеры были типичными каролинцами, а Уайтоки — англичанином и ирландкой. Уайтоки пригласили Синклеров приехать к ним в Канаду, но визит состоялся только сейчас, при трагических обстоятельствах.

С их приезда прошло три дня. Синклерам все казалось странным, таким северным, но приветливым, от семьи Уайтоков веяло здоровьем и добродушием. Дни стояли теплые, ночи — прохладные. Они спали на пуховой перине, на огромной кровати под балдахинном.

Это отдаляло их от мыслей о развалинах собственного дома, от всего того, к чему они были привычны. Они привезли с собой трех рабов, так как считали, что не могут обходиться без них. Та, что была личной горничной Люси Синклер, была симпатичной мулаткой. В обязанности второй входило готовить еду, и она уже начала ругаться с кухаркой Уайтоков. Третьим был мужчина, молодой здоровый афроамериканец.

— Сейчас опять позовут пить чай, а ведь я вполне могла бы обойтись без него. Ах, это вечное чаепитие! — заметила Люси Синклер, обращаясь к мужу.

Тот сочувственно крикнул.

— Потихе, Люси, — предостерег он. — По-моему, даже ребенок прислушивается к твоим словам.

Маленький Филипп неодобрительно смотрел на них своими голубыми глазами. Вот-вот заплачет. Люси нагнулась к нему, будто любуясь возведенным им домом из кубиков.

— Как красиво! — воскликнула она и захлопала в ладоши.

— Скажи спасибо, Люси, что мы здесь. Дай Уайтокам понять, что ценишь их доброту. Вон Филипп идет. Наверное, жаждет выпить три чашки чая со сконами¹ и ежевичным джемом. Люси, улыбайся.

Ее не надо было просить дважды. При виде красавца-блондина Филиппа Уайтока довольная улыбка сама собой появлялась на лице любой женщины.

— Надеюсь, миссис Синклер, вам лучше, и вы не прочь выпить крепкого чая, — начал он. — Говорят, он ждет нас в столовой.

---

¹ Скон — традиционное блюдо английской, ирландской и шотландской кухни. Скон представляет собой небольшую пышную, но плотную булочку из пшеничной или овсяной муки.

Восхищенным взглядом он проследил за тем, как она поднялась и расправила на юбке складки. И отвел глаза от безобразной спины Кертиса Синклера. Тут на улице выбежала няня. Она схватила издавшего недовольный крик малыша и унесла его в дом.

Возле накрытого к чаю стола собрались Аделина Уайток и трое старших детей: Августа с длинными темными локонами и густой челкой на высоком лбу, замкнутая девочка-подросток; следующим по возрасту был пылкий Николас с красивыми темными глазами и волнистыми волосами. В его облике угадывалась смелость и чувство собственного достоинства, даже самоуверенность, но и благовоспитанность. Голубоглазый и светловолосый Эрнест был на два года младше брата. Казалось, Аделина сознательно постаралась вместе с детьми предстать перед гостями в виде живописной группы.

— Мой выводок, — сказала она, — здесь все, кроме малыша. Они на несколько дней уезжали к друзьям. Я подумала, так вам будет легче устроиться — зная, как сильно вы устали.

Синклеры поздоровались с детьми с церемонной учтивостью, что было очень лестно. Николас весь подобрался, как положено мужчине. Эрнест радостно улыбнулся. Августа, опустив глаза, хранила выражение неопределенности. Она не могла решить, нравятся ей эти рабовладельцы или нет. Хотя они гости ее отца, в доме, где она только что гостила, высказывались против них. Но как прекрасна эта женщина и как элегантно одета! Августа хоть и смотрела в пол, но не упустила ничего важного.

— Слава богу, — воскликнула Люси Синклер, — у меня нет детей, которые бы унаследовали трагизм нашей жизни! Я бы этого не перенесла.

Муж решил разрядить напряжение, вызванное ее эмоциональным всплеском.

— Наверное, все дети родились здесь, в «Джалне»? — предположил он.

— Вообще-то нет, — сказал Филипп. — Дочь родилась в Индии, где стоял мой полк. Я продал свой чин. Сначала мы поплыли в Англию и Ирландию, чтобы повидаться с родней, а уже оттуда — в Канаду.

Аделине Уайток было несвойственно позволить кому-то превзойти себя в выражении чувств. И теперь, приняв позу трагической актрисы, она ударилась в воспоминания о путешествии.

— Это было душераздирающе! — воскликнула она. — Прощаясь с родными в Ирландии, мы боялись, что больше никогда не увидимся. Отец, мать, мои дорогие братья — все рыдали. А потом начались тяготы плавания. Наша няня-туземка умерла, ее похоронили прямо в море.

— А мне надо было качать младенца! Вот этого, — вставил Филипп, указав на Августу, которая стыдливо опустила голову. — Николас родился в Квебеке. Эрнест первым из Уайтоков появился на свет в этом доме. — Отец обнял младшего из присутствующих детей за плечи, а Эрнест обвел гордым взглядом стол, за которым все расположились.

Аделина разлила чай.

— Я люблюсь вон теми прекрасными портретами — вашим и офицера Уайтока, — заметила Люси Синклер.

— В гусарской форме, — уточнила Аделина. — Мы заказали их прямо перед отплытием в Канаду.

— В Ирландии? — поинтересовалась Люси Синклер.

Аделина кивнула, стараясь не встретиться глазами с Филиппом.

— Нет, — твердо сказал он, — их нарисовали в Лондоне, они принадлежат кисти очень модного художника. Вы находите, что есть большое сходство?

Синклеры считали, что сходство идеальное, и восхищенно смотрели на портреты.

— Когда я думаю о том, какая участь ждет портреты четырех поколений семьи у нас дома, у меня разрывается сердце, — призналась Люси Синклер.

— Вам ни в коем случае нельзя терять бодрость духа, — сказал Филипп, глядя уверенным подбадривающим взглядом. — Все обязательно изменится к лучшему.

Все сидели за столом.

— В доме, где гостили мы с братом и сестрой, — вдруг обратился Николас к Синклерам, — мистера Линкольна считают прекрасным человеком.

— Неужели? — спокойно отозвался Кертис Синклер.

— Один из их сыновей сражается с янки, — продолжал Николас. — В доме все молятся за него и за мистера Линкольна. Вы считаете, что это неправильно?

— Никому не интересно тебя слушать, — строго сказал Филипп. — Ешь хлеб с маслом и помалкивай.

— Наш друг мистер Базби говорит, что Линкольн — герой, — подал голос маленький Эрнест.

— Еще хоть слово от одного из вас, — отрезал отец, — и вон из-за стола.

Мальчишки умолкли, но, казалось, были не так подавлены нагоняем, как их сестра.

— Я слышала, — сказала Аделина Уайток, — что Линкольны знать не знают, что такое хорошие манеры.

— Ни они, ни их сыновья, — согласился мистер Синклер. — Четверка неотесанных.

— О человеке судят по манерам, — снова заговорил маленький Эрнест. — В школьной тетрадке написано.